

ставлено лишь несколькими погребениями в могильниках Бай-Даг и Аймырлыг (Тува) и, возможно, Тепсей УП (Южная Сибирь). Эти памятники непосредственно отражают пребывание в названных районах гуннов, что подтверждают также характерные гуннские керамика и украшения, найденные в "доме наместника" у Абакана, случайные находки типично гуннских изделий и керамики в различных районах Саяно-Алтая. Гуннское влияние проявилось и в изготовлении металлургами Южной Сибири бронзовых изделий по образцам гуннских.

5. В других районах степного пояса (Западная Сибирь, Казахстан) комплексов, сочетающих характерные для гуннов признаки, до настоящего времени не встречено. В инвентаре открытых здесь поселений и могильников представлены изделия, известные не только в гуннских памятниках Центральной Азии, но и во многих других памятниках (перечислены выше, тезис 3). Очевидно, факт находки этих изделий еще не дает оснований связывать комплексы, где они найдены, непосредственно с гуннами.

6. Сказанное выше не исключает принципиальной возможности продвижения каких-то групп населения, входившего в гуннский племенной союз, из восточных районов степного пояса в западные. Однако для выявления памятников, отразивших такое перемещение, необходим детальный анализ инвентаря и создание надежных типологических рядов, выявление характерных для каждого региона сочетаний погребальных конструкций и категорий изделий, выработка обоснованных периодизаций. Пока такая работа не проделана, следует воздерживаться от поспешной оценки вновь открываемых памятников и выделения "гуннских периодов" в истории конкретных регионов.

О КУЛЬТУРАХ ЛЕСНОЙ ПОЛОСЫ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н.Э.

В.А.Могильников

Период I тысячелетия н.э., особенно его вторая половина, это эпоха формирования этнических общностей предков современных аборигенов таежной зоны Западной Сибири - селькупов, хантов, манси. Отражением процесса их этнической дифференциации было сложение во второй половине I тысячелетия отдельных археологических культур, связанных с этими этническими группами, - релкинской, потчевашской, нижнеобской (оронтурский этап), молчановской, которые

наиболее вероятно увязываются соответственно с предками селькупов, южной и северной группами хантов, а также - с манси. Сейчас, по существу, общепринятыми являются положения, согласно которым релкинская культура рассматривается как культура предков нарымских селькупов, а молчановская - соответственно предков туринских манси (В.Н.Чернецов, В.А.Могильников, Л.А.Чиндина, В.Д.Викторова). В отношении потчевашской культуры такого единодушия нет. Отдельные авторы склонны вообще отрицать существование особой потчевашской культуры, рассматривая и фактически объединяя ее вместе с релкинской. Вследствие этого в отношении этнической принадлежности потчевашской культуры также нет единого мнения. Часть исследователей считает потчевашскую культуру угорской (Чернецов В.Н., Мошинская В.И., Чиндина Л.А., Шемякина А.С., Могильников В.А.), другие (В.Ф.Генинг и др.) склонны рассматривать ее как самодийскую. Последнее положение в значительной мере основано на ряде черт сходства потчевашской и релкинской культур. В этом случае решение вопроса о своеобразии и этнической принадлежности потчевашской культуры упирается в первую очередь в установление специфики этой культуры и выявление ее отличий от релкинской культуры. Между тем определение отличий этих культур представляет большую сложность в силу ряда причин генетического и экологического порядка, обусловивших большую близость названных культур. Происхождение потчевашской культуры изучено слабо. Все же можно утверждать, что одним из составных компонентов этноса потчевашской культуры было продвинувшееся в южную часть лесного и северную часть лесостепного Прииртышья население среднеиртышской культуры, явившееся субстратным элементом потчевашского этноса и связанным по происхождению с населением кулайской культуры, которое, в свою очередь, составило основу в формировании населения релкинской культуры. Уже наличие этих общих элементов в генезисе создавало почву для образования сходных черт во вновь формирующихся культурах.

С другой стороны, близость потчевашской культуры с релкинской обуславливалась существованием обеих культур в сходной экологической обстановке южной части тайги и наличием у них постоянных взаимных контактов. Сравнительное изучение этих культур осложняется также их неравномерной исследованностью. Потчевашская культура изучена хуже релкинской, особенно в области по-

гребального обряда, а также - изобразительного искусства.

Все же при наличии очевидной большой близости между релкинской и потчевашской культурами у них констатируются различия в керамике, погребальном обряде, являющиеся основными этнизирующими признаками, а также - в хозяйстве.

Для погребального ритуала релкинской культуры характерны подкурганые захоронения, для потчевашской культуры - сочетание грунтовых (Окунево, Лихачево) и подкурганных захоронений (Потчеваш, Айткулово). Впрочем, нельзя исключать также существования грунтовых захоронений и в релкинской культуре, особенно в северных районах ее ареала, где нет курганных могильников. Это обстоятельство может говорить за некоторую этническую неоднородность релкинской культуры. Различия между релкинской и потчевашской культурами прослеживаются также в ориентировке погребенных. Для некрополей потчевашской культуры VI-VIII вв. характерно положение погребенных на спине, вытнуто головой на СЗ, в релкинской преобладает положение головой на ЮВ. Следует отметить, правда, основываясь только на материале двух могильников, Мурлинского I и II, что в VII-IX вв. на потчевашской территории юга лесного Прииртышья преобладающей становится ориентировка головой на юг. Ввиду ограниченного количества материала (в 8 курганах здесь вскрыто 15 погребений) и его локальности это явление пока не находит должного объяснения. Среди исследованных курганов потчевашской культуры преобладают насыпи, под которыми находится по одному захоронению, реже - несколько и под одной насыпью вскрыто 6 погребений (Мурлинка II, курган I). В отличие от этого под курганами Релки лежит обычно по несколько захоронений числом до шестнадцати. Есть и другие отличия в ритуале погребения названных культур.

Отличия этих культур наблюдаются также в керамике. Представленные в релкинской культуре характерные ладьевидные сосуды отсутствуют в потчевашской культуре. Узор в виде горизонтальных прочерченных каннелюр, разделяющих зоны оттисков зубчатого или фигурного штампов, в большей мере свойствен потчевашской керамике, нежели релкинской посуде. На керамике потчевашской культуры богаче и разнообразнее узоры из оттисков фигурных штампов, особенно ромбических. Не исключено, что распространение ромбических штампов на релкинской керамике являлось следствием кон-

тактов с населением потчевашской культуры.

Существенная разница фиксируется также в хозяйстве, отражающая больший удельный вес производящих отраслей хозяйства в потчевашской культуре, нежели в релкинской. У населения потчевашской культуры можно предполагать наличие земледелия. На городищах Мурлинском и Большой Лог найдены железные серпы, не встреченные на памятниках релкинской культуры. Osteологический материал с памятников потчевашской культуры характеризует довольно развитое скотоводство с разведением основных видов домашних животных - лошади, крупного и мелкого рогатого скота, свиньи, при общем количественном преобладании лошади в стаде. Кости свиньи, одна особь, обнаружены только на Мурлинском городище, что указывает на то, что свиноводство для Сибири играло традиционно незначительную роль. На потчевашских поселениях кости домашних животных количественно преобладают над костями диких, а по числу особей приблизительно равны числу особей диких видов, дающих мясную пищу, или, чаще, преобладают над ними (Смирнов Н.Г., 1975, с.38; Шемякина А.С., 1976, с.188). В целом хозяйство населения потчевашской культуры было комплексным при большой роли производящих отраслей хозяйства. В то же время в релкинской культуре ведущую роль в хозяйстве имели присваивающие отрасли, и, в первую очередь, очевидно, рыболовство (Чиндина Л.А., 1976, с.166). Земледелие в силу специфики природных условий в Нарынском Приобье в I тыс. н.э., очевидно, отсутствовало, а скотоводство ограничивалось разведением лошади в небольшом количестве.

Специфика хозяйства отразилась на топографической локализации поселений. Поселения релкинской культуры расположены в местах, удобных для рыбных промыслов. Исследованные потчевашские поселения приурочены часто к расширениям поймы с богатыми лугами, где имелись благоприятные условия для занятия скотоводством. С развитым скотоводством потчевашской культуры связано, очевидно, расселение ее этноса далеко на юг. Группа городищ потчевашской культуры расположена на Оми (Большой Лог, Сперановка, Ермаково и др.), а наиболее южные ее памятники доходят до Павлодарского Прииртышья (Качирь).

В свете изложенного есть основания рассматривать релкинскую и потчевашскую культуры как две особые культуры, принадлежавшие

вероятно, соответственно предкам нарымских селькупов и в основном, по-видимому, угорской этнической группе потчевашской культуры, включившей в свой состав восточные самодийские компоненты и составившей основу южной группы хантов.

Основную территорию потчевашской культуры составляла южная часть лесной полосы и северная часть лесостепи Прииртышья и Приишимья, на востоке, вероятно, до водораздела Иртыша и Оби. Наиболее восточные, известные сейчас, памятники находятся в среднем течении Оми и Тары. На севере памятники потчевашской культуры вряд ли заходили дальше низовий Иртыша, а на западе, по-видимому, не распространялись на Туринско-Тавдинокий район. На юге потчевашские памятники известны в лесостепи Приишимья (Логдиновское городище, Лихачевский могильник), в Омском и Павлодарском Прииртышье (Большой Лог, Сперановка, Качиры). Присутствие в прошлом угорского населения на территории лесостепи Северного Казахстана засвидетельствовано гидронимами (Попова В.Н., 1969, с.20), но, к сожалению, их хронологическая привязка затруднена. Они могут относиться и к потчевашской и к саргатской культуре, этнос которой, надо полагать, в какой-то степени вошел в состав потчевашцев.

О НЕКОТОРЫХ ТРАДИЦИЯХ В РАНИЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ КЕРАМИКЕ СЕВЕРНОГО ПРИУРАЛЬЯ

А.М.Мурыгин

К числу успехов археологии европейского Северо-Востока принадлежит выявление и изучение археологических памятников, отнесенных к ванвиздинской культуре или ванвиздинскому культурному типу (I тыс. н.э.). Однако целый ряд факторов, и, в первую очередь, слабая источниковедческая база, привели к серьезным противоречиям среди исследователей по вопросам хронологии и этнической принадлежности этих памятников (Канивец, 1964; Буров, 1965; Савельева, 1971). Решению этих проблем поможет изучение орнаментальных традиций раннесредневековой керамики, многие из которых берут начало в конце раннего железного века.

На вычегодских поселениях гляденовского времени выделяются три группы сосудов (Буров, 1965). Некоторые положения, касающиеся генезиса отдельных орнаментальных мотивов, требуют уточнения.

В частности, мы имеем в виду позднегляденовскую (по Г.М.Бурову) керамику, представленную сосудами с суженным краем и раздутым туловом, украшенную многорядовыми отпечатками шпура, дополненного узорами либо в виде "волны" или "подковки", выполненными в той же манере, либо в виде зубчатого вигзага. Нельзя согласиться с тем, что этот комплекс имеет в своей основе исключительно типично гляденовскую посуду. Значительную близость вычегодский многошнуровой комплекс обнаруживает с керамикой из харинских могильников Верхнего Прикамья по форме сосудов и примесям в глине, элементам орнамента, узорам и их композициям (Генинг, Голдина, 1973). По мнению Р.Д.Голдиной, многошнуровой принцип орнаментации харинской керамики стоит в ряду признаков, характеризующих пришлый компонент в ломоватовской культуре (1977). Распространение аналогичных мотивов на средневековой керамике лесного Зауралья, Сыктывинского района Прикамья, Татарии и Волжской Болгарии также связывается с проникновением инородного элемента (Чернецов, 1957; Генинг, 1965; Викторова, 1964, 1968; Казаков, 1977). Традиция многошнуровой орнаментации в среде вычегодского населения оказалась устойчивой. Она прослеживается на Средней и Нижней Вычегде в материалах поселений ранне- и поздневанвиздинского времени (Шойнаты П, Тохта) и могильников X-XI вв. вымской культуры (Кичильковский, Шойнаты П). Керамика, в которой отражаются традиции многошнуровой орнаментации, известна на памятниках Печоры и Мезени. Однако здесь она другого облика и, по всей вероятности, появляется позднее, чем на Вычегде.

Следует предположить, что в формировании вычегодского населения конца гляденовского - начала ванвиздинского времени наряду с местными гляденовскими приняли участие племена с многошнуровой орнаментацией. В этом процессе, который, вероятно, можно соотносить со временем распространения аналогичного опособа украшения керамики в Верхнем Прикамье, определенное место занимали какие-то группы уже смешанного верхнекамского (харинского) населения. Высказанная точка зрения не противоречит теории о переселении части прикамского населения в Привычегодье в I тыс. н.э. (Литкин, 1957; Бадер, Оборин, 1958; Лашук, 1961).

Наряду с этим в орнаменте раннесредневековой керамики Северного Приуралья развивается иная традиция. Ее можно усматривать в части позднегляденовской (по Г.М.Бурову) посуды с зубчатым,